
МАТЕРИАЛЫ
И СООБЩЕНИЯ

ЧАСТИ РЕЧИ И ИХ ГРАММАТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ
В ДАКТИЛИЧЕСКИХ КЛАУЗУЛАХ

© 2014 г. Д. К. Поливанова

Статья посвящена анализу употребления дактилических клаузул (окончаний стихотворных строк, ударение в которых приходится на третий слог от конца) в русской поэзии первой четверти XX века. Для рассмотрения были выбраны тексты девяти авторов: Н. Асеева, А. Ахматовой, К. Бальмонта, Н. Гумилева, Н. Клюева, О. Мандельштама, С. Парнок, Б. Пастернака, И. Северянина. В работе приводится частота употребления дактилических клаузул, рассмотрено, какие части речи оказываются на месте дактилической рифмы и в какой грамматической форме они употребляются. Полученные данные показывают, что дактилическая клаузула – это не только важный параметр, который характеризует эпоху в целом, но и важный признак индивидуального поэтического языка каждого автора.

This article discusses the use of the dactylic endings in the Russian poetry in the first quarter of the 20th century. There are examined the texts of Nine authors: N. Aseev, A. Akhmatova, K. Balmont, N. Gumilev, N. Klyuev, O. Mandelstam, S. Parnok, B. Pasternak, and I. Severyanin. The frequency of occurring of dactylic endings in these texts has been summed up in special tables and analyzed. This article focuses on two particular questions: ‘What parts of speech are used to form the dactylic rhymes?’ and ‘What grammatical forms do these parts of speech have?’. According to the results of this research, the dactylic ending is a distinguishing feature of an individual poetic language and a significant parameter, which characterizes a historical epoch in general.

Ключевые слова: дактилическая клаузула, дактилическая рифма, лингвистика стиха

Key words: the dactylic ending, the dactylic rhyme, linguistic poetics.

Как известно, ритм и морфология в стихе взаимосвязаны. М.Л. Гаспаров в своей работе “Ритмический словарь и ритмико-синтаксические клише” [1, с. 169–185] обращает внимание на то, что разным частям речи русского языка свойственна разная акцентная структура: части речи в русском языке существенным образом различаются по длине слова и месту ударения. Самые длинные слова русского языка – прилагательные и глаголы, но длинны они по-разному: глаголы чаще имеют длинное безударное начало, а прилагательные – длинный безударный конец. Прочие части речи также обладают наиболее характерной для них средней длиной слова и местом ударения. Проблемами взаимодействия ритма и морфологии в стихе занимались: Р.О. Якобсон [2, с. 170–177], Д.С. Ворт [3, с. 774–817], Дж. Т. Шоу [4, с. 1–22; 5, с. 327–336], М.Л. Гаспаров [6, с. 3–36; 7, с. 71–84], Т.В. Скулачева [8, с. 565–570].

Настоящая работа продолжает это направление изучения соотношения ритма и морфологии в русском стихе. Дактилические клаузулы – окончания стихотворных строк на два безударных слога (*шахматы, распахнуты,*

смелая, белая, и т.д.), – воспринимаются как “чрезмерно длинные” даже в русском языке, которому свойственны многосложные слова. Поэтому дактилическим клаузулам свойственно притягивать одни части речи и избегать других.

М.Л. Гаспаровым на материале прозы был составлен ритмический словарь частей речи [1, с. 169–185]. В таблице 1 приведены релевантные для нас подсчеты М.Л. Гаспарова, а именно: показано распределение словоформ, принадлежащих к разным частям речи с интересующей нас акцентной структурой (трехсложные слова с ударением на первом слоге, четырехсложные слова с ударением на втором слоге и пятисложные слова с ударением на третьем слоге).

Из таблицы видно, что среди словоформ с ударением на третьем слоге от конца главным образом присутствуют существительные и прилагательные. Глаголов значительно меньше – примерно 20%, затем по частоте использования следуют наречия и местоимения.

Цель настоящей работы – проанализировать то, какие части речи и с какими грамматическими

Таблица 1. Распределение частей речи в словах с ударением на третий слог от конца

	Существительное	Глагол	Прилагательное	Наречие	Местоимение	Прочее	Число слов
Трехсложное слово с ударением на первом слоге	40%	17%	30%	4%	4%	5%	706
Четырехсложное слово с ударением на втором слоге	31%	21%	41%	5%	1%	1%	823
Пятисложное слово с ударением на третьем слоге	32%	21%	39%	7%	1%	0%	366

характеристиками встречаются в позиции дактилического окончания в русской поэзии первой четверти XX века. Для исследования были выбраны тексты 9 поэтов: Н. Асеева, А. Ахматовой, К. Бальмонта, Н. Гумилева, Н. Клюева, О. Мандельштама, С. Парнок, Б. Пастернака, И. Северянина¹.

В таблице 2 приведены данные, показывающие частоту использования дактилической клаузулы у этих девяти поэтов:

Таблица 2. Количество дактилических клаузул

	Кол-во разобранных стихотворных строк	Кол-во дактилических клаузул	Процентное соотношение
Гумилев	8505	240	2,8%
Мандельштам	4030	130	3,2%
Ахматова	4072	156	3,8%
Бальмонт	6527	341	5,2%
Пастернак	7892	614	7,8%
Северянин	4612	410	8,9%
Клюев	10344	1002	9,7%
Парнок	2351	271	11,5%
Асеев	3893	455	11,7%

Наименьший процент употребления дактилической клаузулы (2,8%) принадлежит Гумилеву, за ним следует Мандельштам (3,2%) и далее Ахматова (3,8%). Среднее количество дактилических окончаний (5,2%) оказывается у Бальмонта, более высокий процент (7,8%) у Пастернака. Затем следуют Северянин и Клюев (8,9 и 9,7

процентов), а наиболее высокий процент – 11,5 и 11,7 – у Парнок и Асеева.

Как было показано, в частности, в исследовании М.Л. Гаспарова “Очерк истории русского стиха” [9, с. 202–204], поэты начала XIX века употребляли дактилическую рифму редко, но начиная со второй половины XIX века и ко времени Блока и Маяковского дактилические рифмы уже употреблялись в русском стихе свободно и в любых сочетаниях. (Для сравнения: у Пушкина дактилических клаузул – 1% [10], у Батюшкова – 2,5% [11], у Баратынского – 0,6% [12]; у Некрасова же (без учета текстов поэм и сказок) насчитывается уже 8%).

При рассмотрении употребления различных частей речи в позиции дактилической клаузулы были выделены существительные, прилагательные, глаголы, наречия, деепричастия и прочие (к прочим в частности отнесены и составные клаузулы, которые в этой работе не рассматриваются). Так как акцентная структура слова зависит от парадигмы словоизменения, то в сомнительных случаях слова группировались именно по этому признаку: в частности, и причастия, и субстантивированные прилагательные относились к прилагательным. Также в настоящей работе к прилагательным были отнесены и наречия на –о, морфологической основой которых является краткое прилагательное среднего рода (*светло, темно, красиво*). В таблице 3 приведены результаты распределения этих частей речи в положении дактилической клаузулы в поэзии девяти выбранных авторов (см. с. 31).

Подсчеты М.Л. Гаспарова по прозе показывают, что ударение на третий слог от конца характернее всего для прилагательных, существительных и только затем для глаголов. При анализе полученных результатов сразу бросается в глаза, что меньше всего прилагательных, как самой ожидаемой части речи в дактилической клаузуле, оказывается у Пастернака и Асеева. Больше всего прилагательных мы видим у Ахматовой, у нее же

¹ При написании статьи использовались следующие издания: Асеев Н.Н. Избранные произведения. М., 1990; Ахматова А.А. Стихотворения и поэмы. Л., 1977; Бальмонт К.Д. Стихотворения. Л., 1969; Гумилев Н.С. Стихотворения и поэмы. Л., 1988; Клюев Н.А. Избранное. М., 2009; Мандельштам О. Э. Стихотворения. Проза. М., 2001; Парнок С.Я. Вполголоса. М., 2010; Пастернак Б.Л. Полное собрание стихотворений и поэм. СПб., 2003; Северянин И. Громокипящий кубок. Ананасы в шампанском. Соловей. Классические розы. М., 2004.

Таблица 3. Распределение частей речи в дактилических клаузулах

	Существительное	Прилагательное	Глагол	Наречие	Деепричастие	Прочее, в том числе составная клаузула
Ахматова	23%	57,7%	17,9%	0	0	1%
Бальмонт	32,8%	47,5%	16,1%	0,2%	0	3%
Мандельштам	35,3%	46,9%	10,7%	0,7%	1,5%	5%
Парнок	35,4%	34,3%	12,9%	2,2%	0,7%	14%
Клюев	40,7%	44,3%	11,5%	1,3%	0,9%	1%
Пастернак	45,9%	21,5%	19,5%	3,7%	1,8%	6%
Северянин	46%	36,6%	10,7%	1,2%	1,2%	4,5%
Асеев	46,6%	22,4%	16,2%	1,5%	0,8%	12%
Гумилев	48%	37,8%	9,8%	0,4%	0,8%	3%

Таблица 4. Прилагательные в позиции дактилической клаузулы: полные, краткие формы, сравнительная степень

Автор	Кол-во словоформ	Полные формы	Краткие формы	Сравнительная степень
Асеев	102	85%	15%	–
Пастернак	132	79%	20%	1%
Бальмонт	162	91%	8%	1%
Ахматова	90	81%	18%	1%
Гумилев	92	91%	7%	2%
Клюев	440	89%	10,5%	0,5%
Мандельштам	61	95%	5%	–
Парнок	93	71%	26%	3%
Северянин	150	79%	21%	–

меньше всего существительных. Количество глаголов варьируется у всех от 10 до 20 процентов, больше всего их оказывается у Пастернака – их у него практически столько же сколько и прилагательных. Наречия и деепричастия оказываются малоупотребительны в данной позиции, у Ахматовой их нет вообще, а больше всего их оказывается у Пастернака (наречий – 3,7% и деепричастий – 1,8%)

Не менее важны и конкретные грамматические формы слов, которые оказываются в позиции дактилического окончания. В таблицах представлено число различных форм прилагательных на месте дактилической клаузулы. В таблице 4 показано распределение полных и кратких форм прилагательных, а также форм сравнительной степени в поэзии девяти авторов. В таблице 5 полные формы прилагательных разделены на те, у которых двусложное падежное окончание и прочие. В таблице 6 приведено распределение кратких прилагательных по роду и числу.

Из приведенных результатов видно, что среди форм прилагательных на месте дактилической клаузулы поэты предпочитают использовать полные формы, что не удивительно, поскольку

краткие формы не имеют двусложного окончания, кроме того, по большей части это односложные и двусложные слова. Однако нельзя сказать, что краткие формы в позиции дактилического окончания не употребляются вовсе: меньше всего (5%) их оказывается у Мандельштама, затем следуют Гумилев и Бальмонт. У остальных число кратких прилагательных колеблется от 10,5 % у Клюева до 21% у Северянина. И первое место по использованию кратких форм прилагательных занимает Парнок, у нее 26% всех словоформ являются краткими. Как видно из таблицы 6 у большинства авторов среди кратких форм в основном используется форма единственного числа среднего рода, интересно, что встречаются также и краткие формы мужского рода – без окончания. У Клюева, Северянина, Гумилева и Парнок это всего 1–2 словоформы, тогда как у Пастернака их насчитывается 7, что составляет 26% от общего числа кратких форм. Что касается сравнительной степени прилагательных, то ее употребление на месте дактилической клаузулы практически не свойственно данным поэтам. Можно предположить, что здесь играет роль как редкость употребления сравнительной степени вообще в поэзии, так и синтаксический фактор – конец строки, как

Таблица 5. Количество полных форм прилагательных с двусложным окончанием в позиции дактилической клаузулы

Автор	Кол-во полных форм	С двусложным падежным окончанием	Прочие
Асеев	87	60%	40%
Пастернак	104	35%	65%
Бальмонт	148	78%	22%
Ахматова	73	71%	29%
Гумилев	84	70%	30%
Клюев	392	80%	20%
Мандельштам	58	67%	33%
Парнок	66	68%	32%
Северянин	119	60%	40%

Таблица 6. Распределение кратких форм прилагательных по роду в позиции дактилической клаузулы

Автор	Кол-во кратких форм	Мужской род	Женский род	Средний множественное число, Род.падеж	Множественное число
Асеев	15	–	20%	53%	27%
Пастернак	27	26%	7%	41%	26%
Бальмонт	12	–	33%	42%	25%
Ахматова	16	–	18,5%	62,5%	18,5%
Гумилев	6	17%	17%	17%	50%
Клюев	46	4%	24%	28%	43%
Мандельштам	3	–	–	67%	33%
Парнок	24	8%	25%	58%	8%
Северянин	31	4%	19%	58%	19%

правило, является и концом синтагмы, а это не самая характерная позиция для степени сравнения. Таким образом, на месте дактилической клаузулы в основном оказываются полные формы прилагательных. В таблице 5 приведены результаты употребления поэтами форм с длинным двусложным падежным окончанием и, напротив, с односложным или нулевым. В парадигме прилагательного более половины падежных форм имеют двусложное окончание (см. стандартные окончания адъективного склонения в Грамматическом словаре А.А. Зализняка [13, с. 27]) за счет чего, в частности, эти словоформы и имеют ударение на третий слог от конца (*белая, смелую, туманные, струнного, чистыми, кроткою, одинокое*). Как показывает анализ полных форм прилагательных на месте дактилической клаузулы, практически у всех поэтов использование форм с двусложным падежным окончанием превосходит 60%, а у Бальмонта и Клюева практически достигает 80%, однако интересным оказывается, напротив, наименьшее их использование (35%) у Пастернака (всего 36 словоформ из 104).

При анализе существительных в позиции дактилической клаузулы, также как при анализе прилагательных, были разделены словоформы с двусложным падежным окончанием и другие. Однако существительные имеют двусложное окончание только в формах творительного падежа множественного числа (-ами/-ями) (*метелями, звуками, муками*) и творительного падежа женского рода единственного числа (-ою, -ею, -ёю) (*бездною*). Поэтому существительные, в частности, имеют ударение на третьем слоге от конца благодаря наличию суффикса, перед которым (или на который) приходится ударение (например: *желания, забвения, здания, сострадания, силищей, рубище, гульбище, пропойщина, светелочка, реченьки, друженьки, березонька, сторонушку, долинушке, хозяйшук, грешиница, именинница, медведица*). Таким образом, для существительных без двусложного падежного окончания было дополнительно произведено разделение на бессуффиксальные и суффиксальные существительные, помимо этого среди бессуффиксальных отмечалось количество слов с ударением на приставке. Результаты данного распределения приведены в таблицах 7 и 8:

Таблица 7. Существительные в позиции дактилической клаузулы: падежные формы

Автор	Кол-во существительных	Творительный падеж множественное число	Творительный падеж единственное число (ою/ею)	Другие косвенные падежи	Именительные падежи
Асеев	212	16%	1,8%	55%	27,2%
Пастернак	282	5,3%	5%	70%	19%
Бальмонт	112	26%	5,3%	44,5%	24%
Ахматова	36	–	14%	61%	25%
Гумилев	113	23%	11%	40%	26%
Клюев	408	7,5%	9,5%	57%	26%
Мандельштам	46	19,5%	11%	43,5%	26%
Парнок	96	3%	9%	63%	25%
Северянин	189	10,5%	5%	53,5%	31%

Таблица 8. Существительные в позиции дактилической клаузулы: с суффиксами и без

Автор	Кол-во словоформ	Бессуффиксальные существительные	Существительные с суффиксами	Среди бессуффиксальных существительных кол-во слов с ударением на приставке
Асеев	174	71%	29%	13%
Пастернак	253	61%	39%	17%
Бальмонт	77	10%	90%	–
Ахматова	31	35%	65%	–
Гумилев	75	64%	33%	1%
Клюев	338	46%	54%	8%
Мандельштам	32	56%	44%	16%
Парнок	84	68%	32%	12%
Северянин	159	64%	36%	3%

Из приведенных результатов видно, что употребление различных падежных форм существительных у разных авторов не одинаково. Чаще всего прибегают к употреблению словоформ с двусложным окончанием Гумилёв, Бальмонт и Мандельштам – это около 30% от всех форм существительных. К подсчетам по Мандельштаму и Ахматовой стоит относиться осторожно, поскольку 36 и 46 словоформ являются недостаточным материалом для подобных выводов. Далее следуют Асеев, Клюев и Северянин – у них процент употребления форм творительного падежа множественного числа и форм с окончанием “-ою” приблизительно равен 18. А наименьшее их количество оказывается у Пастернака (10,3%) и Парнок (12%). Остальные словоформы были разделены на суффиксальные и бессуффиксальные. По результатам этого разделения видно, что более всего употребление словоформ с различными суффиксами на месте дактилического окончания характерно Бальмонту – у него лишь 10% (8 словоформ) существительных являются бессуффиксальными. Далее следуют Ахматова и Клюев – у которых бессуффиксальных существительных

менее 50%. У Мандельштама, Гумилева, Пастернака и Северянина бессуффиксальных существительных насчитывается от 56% до 64%. А наибольшее количество бессуффиксальных существительных оказывается у Парнок (68%) и Асеева (71%).

И наконец, обратимся к глаголу. Впервые взаимодействие между ритмикой глагола и его морфологическими характеристиками было описано Т.В. Скулачевой на материале “Евгения Онегина” [14, с. 234–245].

Глагольные формы на месте дактилической клаузулы были разделены по следующим параметрам: были выделены возвратные глаголы с безударным постфиксом “-ся”, среди оставшихся глаголы делились на те, у которых ударение приходится на приставку “вы” и отдельно на прочие приставки. Выделены были глаголы с ударением перед двусложным суффиксом -ыва-/ива-, а также -ова-/у-. Остальные были поделены согласно их грамматическим характеристикам и падежным окончаниям. Результаты распределения приведены в таблице 9:

Таблица 9. Глаголы в позиции дактилической клаузулы

Автор	Асеев	Ахматова	Бальмонт	Гумилев	Клюев	Мандельштам	Парнок	Пастернак	Северянин	
Всего глаголов:	74	28	55	22	115	14	33	119	44	
Возвратные с постфиксом “-ся”	35%	21,5%	80%	50%	46%	71%	12%	43%	18%	
С ударением на приставку “вы”	16%	3,5%	—	—	11%	—	15%	7,5%	2%	
С ударением на прочих приставках	—	3,5%	—	—	—	—	9%	1,5%	4,5%	
С ударением перед суффиксом -ыва-/-ива-	12%	11%	—	9%	9,5%	7%	6%	16%	4,5%	
С ударением перед суффиксом -ова-/-у-	5%	7%	3,5%	9%	0,8%	7%	12%	7%	11%	
Прошедшее время	Множественное число	19%	—	2%	—	3,5%	—	24%	8,5%	22%
		—	—	—	—	0,8%	—	—	—	—
		3%	7%	2%	4,5%	6%	—	—	1,5%	2%
		4%	25%	5%	—	13%	14%	9%	7,5%	9%
Настоящее время 3SG –ает	—	—	—	—	4%	—	3%	1,5%	2%	
	—	7%	—	—	—	—	3%	3%	—	
Настоящее/будущее время 1SG –аю	—	3,5%	—	9%	0,8%	—	—	0,8%	9%	
Настоящее/будущее время 2SG –аешь	—	7%	—	—	—	—	—	—	—	
Настоящее/будущее время 2PL –ате	5,5%	—	7%	18%	2,5%	—	6%	—	7%	
Императив 2PL –айте	—	—	—	—	—	—	—	—	7%	
Императив с частицей –ка	—	—	—	—	—	—	—	0,8%	—	
Инфинитив	—	—	—	—	—	—	—	0,8%	—	
Инфинитив на –ти	—	3,5%	—	—	—	—	—	—	—	

Напомним, что глагольные формы в позиции дактилического окончания у рассматриваемых авторов менее употребительны, чем существительные и прилагательные. У Мандельштама их насчитывается всего 14, у Гумилева, Ахматовой и Парнок немногим больше. Также на основании предложенной таблицы можно сказать, что и вариативность используемых глагольных форм не велика. Чаще всего на месте дактилического окончания употребляются возвратные формы глаголов, больше всего их оказывается у Бальмонта (80%) и Мандельштама (71%). Помимо этого практически всеми в равной мере используются глаголы с левоударными суффиксами –ыва-/-ива- и –ова-/-у-. У Пастернака, Асеева, Парнок и Клюева можно отметить употребление глагольных форм с ударением на приставку “вы” (например: *выдумал, вымолви, вынесло, выручу*). Естественным образом оказывается, что те поэты, у которых глаголов на месте дактилической клаузулы больше, используют и больший набор различных глагольных форм.

Таким образом, мы видим, как языковые особенности используются при построении стихотворной формы, а также оказываются важнейшими параметрами в формировании

индивидуального поэтического языка русских поэтов начала XX века.

Существенно, что именно те поэты, которые меньше всего экспериментируют с использованием различных стихотворных размеров с использованием дактилической рифмы (Ахматова, Мандельштам, Гумилев, Бальмонт, Клюев), употребляют в позиции дактилического окончания те слова, грамматическая форма которых сама задает акцентную структуру всего слова: прилагательные с двусложным окончанием (*белые, смелые*), суффиксальные существительные (страдание, стремления), возвратные глаголы (*осветится, отметится, паутинится*). Тогда как в поэзии Северянина с одной стороны, и несколько в большей степени в поэзии Пастернака, Асеева и Парнок на месте дактилического окончания чаще появляются слова, для которых менее характерно ударение на третьем слоге от конца. (Например, в творчестве этих поэтов количество существительных превышает количество используемых прилагательных; частым оказывается использование кратких прилагательных (*высечен, выдана, завещано*); наравне с возвратными глаголами используются и другие).

Таким образом, можно утверждать, что дактилическая клаузула это важный параметр, который характеризует как эпоху, так и отдельных поэтов. И по этому параметру удается разграничить поэтов на, условно говоря, “консерваторов”, к которым можно отнести Ахматову, Гумилева, Мандельштама, Бальмонта и “новаторов” – Пастернака, Асеева, а также Парнок. Особое место занимают эксперименты Клюева, сочетающего в целом “консервативную” стратегию с элементами новаторства. “Консерваторы” увеличивают число строк с дактилической клаузулой прежде всего за счет “тривиальных” приемов, используя грамматические возможности словоизменения, тогда как “новаторы” достигают того же за счет использования менее тривиальных лексических ударений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гаспаров М.Л.* Ритмический словарь и ритмико-синтаксические клише // Проблемы структурной лингвистики 1982. М., 1984. С. 169–185.
2. *Jakobson R.* К лингвистическому анализу русской рифмы // Selected writings, v. 5. The Hague, 1979, p. 170–177.
3. *Ворт Д.С.* О грамматическом компоненте славянской рифмы (на материале “Евгения Онегина” А.С. Пушкина) // American Contributions to the 8th International Congress of Slavists. Columbus. 1978. V. 1. P. 774–817.
4. *Shaw J. Th.* Parts of speech in Pushkin’s rhymewords and unrhymed endwords // Slavic and East European Journal. 37. 1993. P. 1–22.
5. *Шоу Дж. Т.* Части речи в рифмах основных стихотворных жанров и в концах прозаических синтагм у Пушкина // Русский стих. Метрика. Ритмика. Рифма. Строфика: в честь 60-летия М.Л. Гаспарова. М.: РГГУ, 1996. С. 327–336.
6. *Гаспаров М.Л.* Эволюция русской рифмы // Проблемы теории стиха. Л., 1984. С. 3–36.
7. *Гаспаров М.Л.* “Ты-ты-рифмы”: рифмо-синтаксические клише у Пушкина // После юбилея. Иерусалим, 2000. С. 71–84.
8. *Скулачева Т.В.* Взаимодействие ритма, морфологии и синтаксиса в русском и английском стихе (четырёхстопный ямб) // Стих, язык, поэзия. Памяти Михаила Леоновича Гаспарова. М., 2006. С. 565–570.
9. *Гаспаров М.Л.* Очерк истории русского стиха. М., 2002. С. 202–204.
10. *Shaw J. Th.* Pushkin’s Rhymes: a dictionary. Madison, 1974.
11. *Shaw J. Th.* Batiushkov: a dictionary of the rhymes, a concordance to the poetry. Madison, 1975.
12. *Shaw J. Th.* Baratynskii: a dictionary of the rhymes, a concordance to the poetry. Madison, 1975.
13. *Зализняк А.А.* Грамматический словарь русского языка. М., 1980. С. 27.
14. *Скулачева Т.В.* Ритм и морфология: ритмика глаголов // Русский стих. Метрика. Ритмика. Рифма. Строфика: в честь 60-летия М.Л. Гаспарова. М.: РГГУ, 1996. С. 234–245.